

ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ: АВТОРЫ, ТЕМА, АУДИТОРИЯ

Александра Семенова

Роль специализированного философского журнала и «журнала направления» в истории русской философской публицистики начала XX века

На рубеже веков и в начале XX века в кругу читающей публики интерес к философии как науке, как к системе знаний оказался необычайно высоким. В публицистических статьях, адресованных широкому кругу читателей, стали обсуждаться философские проблемы. И подобного рода публикации пользовались большой популярностью.

А. Богданов отмечал: «В литературе и в публике теперь наблюдается необычно сильное увлечение философией»¹. А в статье И. Давыдова «Об идеализме, марксизме и народничестве», посвященной собственно философским проблемам, подчеркивалось, что «соображения... могут носить здесь только публицистический характер. ...Жизнь в наше время такова, что публицистике всюду и во всем место»².

М. Неведомский, анализируя современную ему ситуацию в общественной мысли России, писал: «Нам недолго придется ждать появления философов и в настоящем смысле этого слова: громадный интерес к философским вопросам, наблюдаемый в последнее время, служит в том порукой»³.

В начале XX века публицистика тяготела к философии, и философичность была своеобразной чертой публицистики начала XX века. Рецензент журнала «Правда» замечал: «Философия вышла на улицу»⁴. Этим автор подчеркивал популярность и массовый интерес к философской публицистике. Публикации, касающиеся философской проблематики, находили место на страницах самых различных изданий. Если обратиться к библиографическому указателю «Философское содержание

русских журналов начала XX века» (2001), то можно увидеть, что наряду со специализированными философскими изданиями, такими как «Вопросы философии и психологии», «Логос», «Мысль. Журнал Петербургского философского общества» (всего 11 наименований), дана библиография «философских статей, рецензий, заметок в общественно-литературных журналах», среди которых названы такие журналы, как «Образование», «Мир Божий», «Русская мысль», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Правда», «Перевал» «Современный мир», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русский вестник»⁵.

По точному замечанию С. Булгакова, «общий журнал больше приспособляется к потребностям данного момента и широкой публики и является как бы посредником между нею и чистой философией»⁶. Поэтому публицистические тексты, обращенные к проблемам общественного развития, смысла человеческого бытия, морали и этики, закономерно находили место на страницах журнальных изданий.

Однако не только традиционная взаимосвязь русской философии/литературы/публицистики была причиной повышенного интереса к философии в публицистике начала века XX. Повышенному интересу к философской проблематике способствовала полемика между народниками и марксистами в 1890-е годы. С. Булгаков писал о ней, как о «литературно-общественном эпизоде русской жизни»⁷.

В полемике народников с марксистами на первый план выступали социально-экономи-

ческие вопросы, поэтому М. Фридман, рецензент «Вопросов жизни», отмечал, что 1890-е годы характеризовались тем, что «все были или, по крайней мере, старались быть экономистами...Теперь царит новое течение — философское»⁸.

Марксизм стал популярным в среде русского образованного общества, как экономическое учение, как философская доктрина — философия, которая призвана не объяснять мир, а изменять его, как политическая программа социальных преобразований. «Марксизм увлек на первых порах людей самых разных ориентаций, — замечает историк русской философии А.Ф. Замалеев, — от промышленных пролетариев до университетских профессоров; всем казалось, что найдена окончательная истина, и социализм из народнической утопии превратился в научную теорию»⁹.

Марксистские легальные журналы — «Новое слово», «Начало», «Жизнь» — сделали немало для популяризации идей марксизма в русской публике. Е. Чарский, один из авторов позитивистского журнала «Правда», замечал, что «марксизм привлекал научной ценностью своих положений, своей публицистической стороной»¹⁰. «Марксизм в сущности являлся попыткой теоретически обосновать некоторую публицистическую доктрину... Публицистическая доктрина, — ... которая собственно прельщала людей, — осталась по прежнему прекрасной и привлекательной»¹¹ — писал Алексеев, автор идеалистического «Нового пути».

Кожевников — редактор-издатель журнала «Правда» — в письме к Богданову сообщал: «От А.В. Луначарского я получил письмо, в котором он высказывает некоторые мысли в пользу философии как суррогата публицистики. Посылаю это письмо Вам. Может быть, кое-что в нем не лишено принципиального значения»¹².

Русская публицистика традиционно тяготела к философии, но когда наступил период увлечения марксизмом, оказалось, что марксистская философия — публицистична. Она позиционировала себя как практическая философия. Неслучайно эту черту марксизма отметили авторы разных по идеологическому направлению органов печати, при этом оценивалась она позитивно и теми, и другими.

Большинство журналов начала XX века, на страницах которых была представлена философская публицистика, были «журналами направления». По мнению В.Г. Короленко, «русский ежемесячник — не просто сборник ста-

тей, не складочное место иной раз совершенно противоположных мнений, не обозрение во французском смысле. К какому бы направлению он ни принадлежал, — он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную»¹³.

Очень точно роль толстых журналов в русской жизни охарактеризовал В. Мачинский (Правда, 1906, №2. Кн. 4), отметив, что в периоды острой общественной борьбы они уступают газетам, а вот «длинное безвременье всегда за них», так как «при вольном или невольном успокоении и досуге начинают понемногу прислушиваться и к ним, ...они, по своей созерцательной и мыслительной профессии, оказываются недурными регистраторами и выразителями «направлений»¹⁴. Направление журнала определялось единством взглядов его сотрудников.

В начале XX века в журнальном процессе можно было наблюдать столкновение антипозитивистского направления с позитивистским. Антипозитивистскую направленность заявил журнал «Новый путь» (1903-1904; общественно-политический литературный ежемесячный журнал), она была продолжена и развита идеалистами в «Вопросах жизни» (1905; ежемесячный литературно-общественный журнал), которые пришли на смену декадентскому журналу. Московский журнал «Правда» (1904-1906; ежемесячное издание искусства, литературы и общественной жизни) ставил задачей популяризацию позитивистских идей и полемику с «бывшими марксистами», в первую очередь С. Булгаковым и Н. Бердяевым.

В программной статье П. Перцова в первом номере «Нового пути» сообщалось, что «на первый план в журнале выступит не партийная дисциплина «социальной» борьбы, а безотносительная ценность личной оригинальности. В своем идеале журнал будет иметь не подневольный унисон хорового пения, а естественную солидарность «солистов». ...Упоение безличностью есть именно то, чего будет избегать «Новый путь»¹⁵. Однако попытки модернизировать структуру журнала не принесли изданию успеха, а «солидарность «солистов» подчеркивала идейную направленность журнала как идеологически цельного органа печати, несмотря на внутрижурнальные полемики. Традиции идейной «направленности» оказались значимыми и для этого модернистского журнала.

При этом журнал «направления» по типу являлся «толстым русским журналом», тяго-

теющим к энциклопедичности. «Тип это ... образ группы изданий, располагающих общими для этой группы признаками» (М.В. Шкондин)¹⁶. Основными признаками «русского толстого журнала» были объем и программа. Объем — 500-700 стр. Программа журналов была сходной по формальным признакам. Своеобразие идейной «направленности» проявлялось в содержании публикуемых материалов.

В основных позициях программы почти идентичны, что указывает на типологическую традиционность. «Правда» при этом предлагала более разнообразную тематику публикаций.

«Новый путь»	«Правда»
Беллетристика – оригинальная и переводная...	Беллетристика ... как оригинальная, так и переводная
Критика, публицистика и библиография	Критика и библиография
Статьи по вопросам религиозно-философским и этическим	Статьи по вопросам эстетики, морали и философии
Научный отдел	Статьи по различным отделам искусства – живописи, скульптуре, архитектуре, сценическому искусству, музыке, поэзии и проч.
Статьи по вопросам истории и культуры	Статьи по вопросам истории и культуры
Обзор отечественной и иностранной жизни	Обзоры общественной жизни отечественной и иностранной
Художественная хроника. Театр и музыка. Отчеты о выставках.	Художественная хроника – театр, музыка, художественные выставки
Отчеты о деятельности обществ: научных, философских, художественных и др.	Отчеты о деятельности обществ – художественных, философских, ученых и проч.
	Хроника важнейших открытий и изобретений – технических, коммерческих, научных и проч.

«Новый путь»	«Правда»
	Педагогический отдел – статьи по вопросам обучения и воспитания
Судебный отдел	Судебная хроника
Общий отдел (корреспонденции, письма, разные известия, мелкие литературные заметки)	Общий отдел – письма в редакцию, почтовый ящик, разные известия, смесь и проч.
Портреты, иллюстрации, планы и чертежи	Портреты художественных и общественных деятелей и их биографии
	Иллюстрации к тексту журнала
Объявления	Объявления ¹⁷

Сопоставительный анализ программ журналов позволяет сделать следующие выводы:

Большинство отделов обоих журналов одинаковы, порой соответствуя друг другу в названиях. К тому же и последовательность анонсирования практически совпадает в большинстве позиций. Этот факт объясним традиционностью типа издания — классического русского ежемесячника, «толстого журнала»;

Журнал «Правда» предлагает более широкий круг тем читательской аудитории издания: в его программе заявлены «Педагогический отдел — статьи по вопросам обучения и воспитания», «Хроника важнейших открытий и изобретений — технических, коммерческих, научных и проч.», «Статьи по различным отделам искусства — живописи, скульптуре, архитектуре, сценическому искусству, музыке, поэзии и проч.»

Разнообразная программа чтения должна была послужить привлечению как можно большего числа подписчиков, что обеспечивало финансовую поддержку издания.

Однако внешне формальная близость программ сопровождалась существенными различиями в идейной части этих изданий. Это формальное и идейное расхождение можно проследить при сопоставлении содержания номеров журналов за сентябрь 1904 года.

«Новый путь»:

Н. Казмин. Разная судьба.

Венецианская школа живописи (окончание).

П. Мериме. Души чистилища.

З. Гиппиус. Двенадцать стихотворений.

А. Белый. О теургии.

Ф. Сологуб. Жало смерти.
 В. В. Розанов. В своем углу. Юдаизм (продол.).
 И. Матушевский. Мицкевич — как всемирный поэт. Перевод А. А. Ф.
 Литературная хроника.
 Религиозно-философская хроника.
 Книги, поступившие в редакцию.
 Записки Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. Заседание XIV и XV.

«Правда»:

А. Куприн. Жидовка.
 А. Федоров. Стихи.
 Т. Львов. На смарку.
 А. Анятин. Мудрый Чарудатта.
 В. Башкин. Ласточки (стихи).
 Пьер Лоти. Азиядэ (продолжение).
 Ю. Балтрушайтис. Стихи.
 В. Смирнов. Из северных мотивов (стихи).
 Ю. Стеклов. Вечеринка.
 Анатолий Франс. Рикэ. — Мысли Рикэ.
 Вл. Орлик. В горах Бельгии.
 Генрик Ибсен. Неизданные письма.
 А. Луначарский. По поводу столетнего юбилея Людвиг Фейербаха.
 М. Оленов. Идеализм в общественной науке.
 И. Гурвич. Промышленная консолидация в С.А. Соединенных Штатах.
 Я. Бляхер. Деревня Северного края.
 А. Финн. Данайцы, несущие дары.
 Библиографические заметки.
 А. Енотаевский. Журнальные заметки. «Новое время» и его сотрудники (письмо в редакцию).
 Вл. Ор. Из Швейцарии.
 И. Красноперов. Бродячий пролетариат в Италии.
 Макс Ли. Берлинская художествен. выставка.
 О. Белова. Медицинская помощь рабочему населению Иваново-Вознесенска.
 Новый закон о государственных преступлениях.
 П. Румянцев. Внутреннее обозрение.
 Е.С. Иностранное обозрение.
 Габриель д' Аннунцио. Дочь Иорио.
 Пастушеская трагедия в 3-х д. Пер. с итальянского А.П. Воротникова.

«Правда» предлагала читателям более разнообразное по содержанию и характеру чтение. Если в «Новом пути» на первый план выступает религиозно-философская проблематика, то в «Правде» освещались не только социально-философские проблемы, но и экономические, правовые, эстетические.

В 1904 году в журнале «Правда» сотрудничали А. Богданов и А. Луначарский. Они были

в политической позиции на стороне Ленина и большинства РСДРП, при этом выражали неортодоксальные взгляды на марксизм. С этой точки зрения важна статья А. Богданова «Собирание человека», опубликованная в № 4 журнала «Правда» за 1904 год. В этой публикации были сформулированы основные принципы концепции «эмпириомонизма». В целом за 1904 год журнал поместил шесть публикаций Богданова¹⁸ и восемь Луначарского¹⁹. За 1905 в «Правде» было опубликовано 9 статей А. Луначарского,²⁰ в 1906 году — одна²¹. Цикл публикаций А. Луначарского «Жизнь и литература» — образец критико-философской публицистики. Например, публикация 1905 года в № 7 «Правды» была посвящена журналу «Вопросы жизни», а также творчеству В. Розанова и Волжского.

Публицистика А. Луначарского («Идеалист и позитивист, как психологические типы» «Правда», №1, 1904, «Метаморфоза одного мыслителя» «Правда», №3, №5, № 6, 1904, «Жизнь и литература» № 11, 1904) была направлена против сборника «Проблемы идеализма», а также в ней развенчивались «метаморфозы» С. Булгакова (сборник статей «От марксизма к идеализму» 1903) и продолжала развивать идеи социального творчества, которые прозвучали в полемике на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» (1902).

Опровергая доводы оппонентов-идеалистов, Луначарский заявлял: «...Сверхопытное пусто и мы можем постулировать там, что угодно нашему сердцу <...>. Земной корень, из которого растет то дерево [метафизика — С.А.], которое дает там свой плод и цветы, есть *чувство потребности сердца*, и потому нам остается только рубить этот корень, и мы надеемся, что когда-нибудь он уступит стальному топору позитивизма чувства»²². Подобная метафоричность не вполне соответствовала беспристрастности философского суждения, художественность выходила на первый план в публицистике автора. При этом для Луначарского характерно своеобразное толкование философии марксизма: не только как практической философии, способной изменить мир, но и как «публицистической» философии: «Вся эта идеалистическая возня по духу своему прямо противоположна той философии, которая привлекает наше внимание, анализ такого явления, как идеал, освещение эмоциональной и волевой жизни масс и единиц — это

такая же философия, как и вся система идей Маркса и Энгельса. Она непосредственно примыкает к жизни и на всяком шагу естественно превращается в публицистику, в ней могуче бьется живой пульс живой жизни, и мы будем работать в намеченной нами области в полной надежде отыскать своего читателя»²³.

Луначарский отмечал в статье «Идеалист и позитивист как психологические типы»: «Позитивист — праведник, не уступая идеалисту ни в широте политических задач, ни в энергии, превосходит его прочностью своего психологического фундамента и независимостью от всяких надежд на потустороннюю помощь»²⁴.

Подобный социальный идеал человека-творца, революционера, преобразующего не только природу, но и общество согласно своим представлениям об идеальном устройении мира, становился ценностным ориентиром для русского секулярно мыслящего интеллигента. Во многом этот герой был близок чрезвычайно популярному герою Ницше — Заратустре. Марксизм обретал ницшеанский дух²⁵. Но, несомненно, что это было ничем иным как социальной утопией, так как «русский» позитивизм всегда был ориентирован на «мир как целое» и «в рамках этого подхода не мысли должны были соответствовать действительности, а действительность мыслям. Любую конкретную ситуацию необходимо было преобразовывать, «подгонять» под некий идеальный эталон, который теоретик расценивал как «настоящую реальность»²⁶.

В журнале «Правда» были и другие статьи, в которых идеи позитивизма доносились в популярной, доступной для не имеющей философской подготовки читательской аудитории. Таковы не только статьи Вл. Ивановского «Что такое «позитивизм» и «идеализм» (1904 №1, №3), но и М. Покровского «Идеализм» и «законы истории» (1904 №2, №3), Н. Рожкова «История, мораль и политика» (1904 № 1), В. Базарова «Из истории просветительства» (1904. № 6, № 7, №8), «Философия телеологического абсолютизма (По поводу книги Виндельбанда «Прелюдии». — Философские статьи и речи. — Перевод со 2-го немецкого издания С. Франка. Спб., 1904.)» (1905. № 1), А. Финна «Данайцы, несущие дары» (1904. № 9), А. Вольского «О познавательном идеале» (1905. № 3), В. Фриче «От марксизма к идеализму (Из истории немецкой интеллигенции конца XIX в.)» (1905. № 8).

В литературно-критических статьях позитивистского издания также не обходилось без популярной философии позитивизма, например, В. Фриче в статье о творчестве Жорж Санд подчеркивал, что «наиболее удачная из всех социологических теорий — реалистическая — позволяет нам лучше других ответить на этот сложный вопрос. Эта теория учит, что каждое социальное явление носит на себе явную печать классового духа. К числу таких социальных явлений относится и психология отдельной личности и в частности писателя»²⁷. Л. Войтоловский, рассматривавший идеалы общественности в произведениях А.П. Чехова, считал: «Но как бы ни был беспристрастен художник, в своих произведениях он невольно отражает идеалы определенного класса»²⁸. Такой социологический подход — показатель того основного идейного единства, которое прослеживалось в журнале «Правда» на уровне не только общественно-философских, социально-политических, но и литературно-критических текстов.

Философской мировоззренческой полемикой на страницах «Правды» были полны обозрения современных журналов и публикуемых в нем материалов — например, в «Журнальном обозрении» (1905. № 4).

«В наше время «лягание материалистов» считается и политически и «гносеологически» обязательным»²⁹, — не без иронии писал Н. Валентинов. В условиях общественного подъема позитивистские идеи публицистов «Правды» играли существенную пропагандистскую роль. Их задача заключалась в том, чтобы обосновать для массового читателя ценность марксистского взгляда на философию, экономику, политику. Идеальное противостояние с идеалистами не предполагало никаких компромиссов, что подчеркивалось и самим характером полемики, который был более агрессивным со стороны позитивистов.

* * *

Идеализм также обстоятельно был представлен в публицистических статьях «Нового пути», «Вопросов жизни» и «Правды».

На страницах модернистского «Нового пути» идеалисты первоначально встретили холодный прием, и в этом плане показательна статья Д. Философова «Искусство и жизнь» (1904. № 7). Он писал, что «несмотря на временное, так сказать модное, увлечение нашей передовой молодежи идеализмом — его абсолютное значение крайне «проблематично»,

а его ценность как некоего ответа на вопросы жизни — довольно-таки относительна»³⁰.

Констатируя создавшееся положение в новом философском движении, С. Булгаков делал важный прогноз развития этого мировоззренческого направления: «В нашей литературе общим именем «идеализма» теперь покрываются несродные друг другу и внутренне даже глубоко различные мирозерцания, от осторожного неокантианства до мистической метафизики Соловьева, от религиозного агностицизма или скептицизма до положительного христианского мировоззрения. Прогресс «идеализма» необходимо должен привести к дифференциации и обособлению...»³¹

Современная наука в истории русской философии начала XX века выделяет различные направления в идеализме этого периода: идеал-реализм Н. Лосского и С. Франка, «новое религиозное сознание» Мережковского, Бердяева и других. Но для начала девятисотых годов философская дифференциация на уровне журнальных публикаций не была еще столь значимой, как в десятые годы XX века, когда каждый из философов-идеалистов пришел к самостоятельной системе взглядов.

Анализируя основные тенденции в философских исканиях русской интеллигенции начала XX века, П. Новгородцев писал в октябрьской книге «Нового пути» (1904): «Философское движение нашего времени имеет судьбу поистине удивительную. Привлекая к себе общее внимание, оно в то же время является предметом постоянной критики и даже вражды со стороны целого ряда органов печати. Когда два года тому назад под знаменем философского идеализма выступила целая группа лиц, это послужило сигналом самой ожесточенной полемики, не прекращавшейся и до сих пор. Противники идеализма забили тревогу и объявили в опасности интересы науки, просвещения и общественного прогресса. Над возрожденным идеализмом произвели историко-литературный анализ...»³²

Когда С. Булгаков и Н. Бердяев вошли в число сотрудников журнала «Новый путь», они получили возможность более широко отстаивать свои идеалистические убеждения. Как отмечают исследователи, «главным полем для развития «идеалистами» их концепции стали насущные проблемы русской общественно-политической жизни: аграрный вопрос, перспективы капиталистического развития, государство и личность, избиратель-

ное право, национальный вопрос и т. п. Обсуждение их шло в полемике с материалистическим мировоззрением. Булгаков и Бердяев, начинавшие в кругу легальных марксистов, заявляли о своем освобождении от «гипнотической власти» марксистской теории (1904, XI, с. 361)»³³.

С приходом новых участников в редакцию журнал «Новый путь» приобрел более выраженную общественно-политическую позицию, которая во многом совпадала с общими освободительными тенденциями российской действительности. Об этом писал С. Булгаков, подчеркивая, что «отличительной чертой, характеризующей идеализм как общественное направление, являются вполне определенные политические и социальные идеалы и протекающие отсюда симпатии и антипатии. В общем и целом представители идеализма разделяют ту программу, которая в своих принципиальных основаниях была искони общепринятой в передовых слоях русской интеллигенции»³⁴.

Булгаков заявлял о том, что идеализм не отрицает существующие практические программы, а молчаливо к ним примыкает, при этом в очередных вопросах практической политики не противопоставляет себя ни народничеству, ни марксизму. Разработку и разрешение вопросов политической практики «идеализм» сознательно предоставляет положительной социальной науке, наперед подчиняясь силе ее доводов...» По утверждению публициста, идеализм располагает к большему научному беспристрастию, «большему *научному реализму*»³⁵.

Своеобразную позицию идеалисты заняли по отношению к науке. И высказывания П. Новгородцева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Алексеева отличались общностью оценок.

«Никто из лиц, причислявших себя к новому философскому движению, не отрицал позитивной науки, а многие полагали, что одной из задач современной философии является утверждение строго-научного духа путем ясного определения его законных границ»³⁶, — писал П. Новгородцев (НП, 1904. № 10)³⁷. С. Булгаков в свою очередь утверждал, что «достигнув известной зрелости, философская мысль не может быть иной, как идеалистической»³⁸.

Проблема личности для идеалистической философии была одной из ключевых. Например, П. Новгородцев писал: «Современная идеалистическая философия могла бы

указать, что в своих практических идеалах она постоянно подчеркивает и выдвигает принцип личности, ее безусловного достоинства, ее естественных и неотчуждаемых прав»³⁹.

Об индивидуализме нового философского направления писал и С. Булгаков: «Идеализм характеризуется последовательным и сознательным индивидуализмом, имеющим своей основой религиозно-метафизический и этический индивидуализм, учение о бессмертной и абсолютной ценности каждой живой человеческой души, каждой индивидуальности»⁴⁰. В этом высказывании публицист развивал ту же мысль, что и в знаменитой статье о герое Ф.М. Достоевского Иване Карамазове, которую опубликовал в 1902 году журнал «Вопросы философии и психологии».

Новый философский принцип, который предлагали бывшие марксисты, должен был преодолеть несовершенство марксистского учения и словами С. Булгакова это должен был быть идеал-реализм: ««Идеализму» не нужно ... вести борьбу или с собой, или с жизнью, на которую неизбежно обрекается марксизм в том случае, если между его догматами и жизнью обнаруживается несоответствие. В этом смысле... «идеализм» можно было бы назвать *идеал-реализмом*, и он образует наиболее благоприятную предпосылку для социально-политического реализма»⁴¹. И он же позднее развивал мысль следующим образом, когда убеждал читателей «Вопросов жизни», что «по своим теоретическим основаниям утверждаясь на предпосылках «идеализма», в практической разработке наша программа стремится к вполне реалистической точке зрения, определяясь, как идеал-реалистическая»⁴².

Благодаря публицистическим выступлениям бывших марксистов, концепция идеал-реализма, могла восприниматься как «обновленный марксизм». Ортодоксы принимали такую позицию как «ревизионизм», и в среде марксистской она поддержки получить не могла.

* * *

Журнал «Новый путь» первоначально занял своеобразную позицию и по отношению к позитивизму. В седьмой книге за 1904 год была опубликована статья Д. Философова «Искусство и жизнь», оппонирующая идеалистам, а затем статья Б. Кремнева «Вопросы жизни и «Правда»», критикующая как позитивистские идеи, так и орган печати, эти идеи пропагандирующий.

Еще в апрельском номере за 1904 год Б. Кремнев опубликовал статью «Перевал», где писал: «Гораздо серьезнее и знаменательнее могло бы быть столкновение «Нового пути» с социализмом, но журнальный марксизм является жалкой пародией на холодный, стальной и острый социализм, на эту систему, значительную в самых своих заблуждениях...

Что касается «марксистских» органов, то они носят явно буржуазный и гедонистический характер и публицисты в них участвующие не отличаются психологически от своих либеральных собратьев...»⁴³

Одним из общих мест в полемике идеалистов и позитивистов было взаимное обвинение в буржуазном либерализме. Буржуазный либерализм, вероятно, представлялся русским публицистам как тупик общественного развития, к которому пришла на своем пути Европа. Этот исторический образец воспринимался весьма критически представителями практически всех партий и движений: от крайне левых до ультраправых.

Отдельную статью Б. Кремнев посвятил журналу «Правда». Необходимо заметить, что название статьи является знаковым: «Вопросы жизни и «Правда» (1904, №7). Статья Б. Кремнева при всем резко критическом отношении к позитивистскому органу печати, к его идеологии и художественным достоинствам была показательна, так как сам факт ее публикации демонстрировал значимость журнала «Правда» как журнального оппонента «Нового пути». Следовательно, эта статья опосредованно указывала на то, что позитивистский журнал играл существенную роль в журнальном процессе начала XX века. «Сорокалетний опыт русской передовой мысли, связавшей свои идеалы с позитивными началами, принимается за какой-то всемирно-исторический закон...»⁴⁴, — сокрушался П. Новгородцев.

В последних номерах «Нового пути» за 1904 год появился целый ряд публикаций, критикующих позитивизм и его мировоззренческие установки. Это статьи С. Булгакова «Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы» (№ 10, 11), Н. Бердяева «Философия и жизнь (Дневник публициста)» (№ 11), Алексеева «Разложение марксизма» (№ 12). Для С. Булгакова марксизм — «классовый идеализм» как система социальной политики, она унаследована русским марксизмом от Германии (где эта идея начинала уже разлагаться)⁴⁵ и является собою «своеобразное переживание сословных

предрассудков, аристократизм наизнанку»⁴⁶. По мнению Булгакова, «слабой стороной марксизма, не только русского, но и европейского — при всех его огромных исторических заслугах и ...значительности ...исторической роли — нам представляется слабость его юридического мышления, его сравнительное равнодушие к вопросам правовым»⁴⁷. Но тут же философ делал существенные оговорки, замечая, что жизнь побуждает и марксистов «сосредоточивать свои усилия все-таки на юридических вопросах, на стремлении к достижению коренной правовой реформы, и их практические заслуги в этой области должен с признательностью отметить каждый сознательный русский гражданин»⁴⁸.

С. Булгаков не оставлял незамеченным тот факт, что в рядах «ортодоксальных» марксистов тоже наметился кризис, чему свидетельством стал сборник «Очерки реалистического мировоззрения»: «Если даже этот сборник и встретит суровую отповедь от тех, кто стоит на страже строгого марксизма..., то все-таки широкая публика уже так растерялась, что не сумела отличить подлинника от подделки»⁴⁹...

Н. Бердяев не удерживался от саркастической оценки марксистских журналов, в котором можно увидеть и намек на «Правду», как легальный марксистский орган того времени: «Выжившие еще представители классического марксизма...должны хмурить брови и с враждой и страхом смотреть на все эти новшества. Их голоса к сожалению не доходят до наших журналов и потому все эти quasi-марксистские органы так ничтожны, так бесцветны. Подобно паразитам они питаются соками «идеализма» и претворяют эти соки в легкую позитивистическую кашу, которой пытаются нас уничтожить»⁵⁰.

В оценке марксизма как общественного движения Бердяев признавал, что «практическое движение, связанное с марксизмом, имеет огромные задачи, оно очень жизненно и значение его я оцениваю очень высоко». Но «полнейшее бессилие и немощь» марксизма проявляются «в духовной культуре, в современных исканиях, в определении ценного содержания жизни»⁵¹.

Заслуживает особого внимания статья Алексева о «разложении марксизма». Главный акцент, который делал философ — «позитивизм ...устраняет этику и религию в угоду единой, всеобъемлющей науке», а потому «как всякое позитивистическое учение, марксизм

непомерно возвеличивает науку и незаслуженно умаляет метафизику и философию»⁵².

И если на страницах «Нового пути» полемика с позитивизмом была начата, то на страницах «Вопросов жизни» она активно развивалась.

Важно подчеркнуть, что бывшие марксисты критиковали позитивизм, признавая при этом сильные стороны социологического учения Маркса. С. Булгаков писал: «Правильное отношение к позитивной социологии состоит поэтому не в ее огульном осуждении, а в выделении и благодарном признании ее действительно научных работ...» Истинное социальное мировоззрение для мыслителя — это идеал-реализм⁵³.

Немало критических высказываний в адрес позитивистов принадлежит перу Бердяева, для которого «позитивизм во всех его видах и формах есть философия обыденности...»⁵⁴. Мыслитель утверждал: «В русском марксизме, когда он был молод, что-то трепетало, он был культурнее, усложнял умственные запросы, приучал больше думать и читать и отучал от старых нигилистических ухваток, но в дальнейшем своем развитии он опять впал в наше интеллигентское варварство и некультурность»⁵⁵.

Эту мысль публицист развивал далее в других журнальных текстах, говоря, что «большая часть... интеллигентного общества, исповедующего позитивистическую веру, живет темами бездарными, выполняет работы на темы самые банальные, заурядные, скучные и гордится этим пуще всего»⁵⁶.

В пылу полемики возникали чрезвычайно эклектичные призывы, примером чему может служить статья И. Давыдова «Об идеализме, марксизме и народничестве» (ВЖ, 1905. № 7), где публицист писал о тех, «кто от Маркса приходит к Канту и от Канта идет к Марксу». И по его утверждению, «эта встреча двух великих умов знаменует собой, наоборот, конец, или, правильнее, начало конца того духовного кризиса, какой, несомненно, переживал и еще переживает марксизм»⁵⁷, к тому же это «признак роста, углубления и расширения марксистского кругозора»⁵⁸.

«Идейных товарищей из марксистского лагеря»⁵⁹ он призывал принять то, что есть «новый принцип, — и принцип этот может дать только неокантианство»⁶⁰. К «усовершенствованию» позитивизма призывал и Г. Чулков, писавший: «Знаю, что меня будут упрекать в позитивизме... Полагаю, что не нужно

отвергать позитивизм, а следует углубить его до мистицизма»⁶¹.

Подобное смешение таких различных философских систем не могло получить поддержки ни у ортодоксальных марксистов, ни у «марксистствующих позитивистов». При этом традиционно марксисты занимали в философской полемике более бескомпромиссную позицию — в то время как нео-идеалисты, критикуя марксистское учение, не отрицали его общенаучной значимости.

«Марксизм сказал страшно много верного о способах борьбы человечества с «природой» и об отражении этой борьбы в материальном строе жизни. И мы должны принять истину социализма, что бы тем самым бороться против лже-религиозного пафоса социализма, против культа социального демократизма, как цели, а не временного средства»⁶², — писал Н. Бердяев.

Подводя итог, сопоставительному анализу текстов полемистов, оценивающих позитивизм, важно подчеркнуть, что при всем различии позиций дискутирующих, позитивизм-марксизм-реализм в их публикациях отмечался как значительное и важное научное и общественное явление, заслуги которого в социально-политической сфере не отрицались никем. С Булгаков утверждал: ««Идеализм» в социальной политике стремится к возможно последовательному реализму также, как и марксизм...»⁶³

Следовательно, для читающей публики, позитивистское мировоззрение обрело определенную авторитетность, так как к принципиальному отрицанию марксизма, при всех резких оценках его недостатков и несовершенств, бывшие марксисты так и не пришли. «Марксизм, как миро- и непонимание», — вот чем была и остается для многих эта одновременно и научная и историко-философская концепция великого мыслителя, вот что и заставляет людей наших дней вновь и вновь возвращаться — положительно или отрицательно — к тому, что, казалось бы, есть путь, уже оставленный современной мыслью позади себя»⁶⁴, — писал рецензент «Вопросов жизни».

Рецензент марксистского журнала утверждал: «Но философия наша, то есть та философия, с которой борются российские идеалисты, не умирает. Созданная лет пятьдесят тому назад, она все крепнет, и никакие удары противников не в состоянии ее сокрушить...»⁶⁵

Таким образом, и позитивисты, и идеалисты, споря, критикуя, анализируя, утверждая и опровергая различные аспекты позитивистского мировоззрения, способствовали популяризации позитивистских, марксистских идей в широкой читательской аудитории.

Полемизируя с оппонентами-идеалистами, позитивисты объясняли читающей публике причины идеалистических увлечений русской интеллигенции общеευропейскими тенденциями⁶⁶. И если бывшие марксисты признавали ценность того учения, через увлечение которым они прошли, то марксисты не признавали никаких мировоззренческих компромиссов. И это делало их позицию более неуязвимой и цельной.

Опираясь на марксизм как теоретико-практическое учение, публицисты позитивистского журнала глубоко и обстоятельно раскрывали «европейские корни» философской переоценки марксизма русскими нео-идеалистами. Такие публикации подчеркивали не только характер существенного влияния западных учителей в новых идеалистических исканиях русской интеллигенции, но и акцентировали внимание читающей публики на несамостоятельности мировоззренческих исканий оппонентов. В таких статьях-рецензиях острие критики было направлено не столько на русских «учеников», сколько на взгляды европейских учителей. Такой характер носили статьи Н.-ев «Ученое пустомыслие (Социальная философия Рудольфа Штамлера)» (1904. № 5), М. Оленов «Идеализм в общественной науке» (1904. № 9), В. Базаров «Философия телеологического абсолютизма (По поводу книги Виндельбанда «Прелюдии». — Философские статьи и речи. — Перевод со 2-го немецкого издания С. Франка. Спб., 1904.)» (1905. № 1).

Смену мировоззренческих парадигм один из публицистов журнала объяснял изменениями исторического момента и предлагал саркастическую характеристику тем мыслителям, которые ушли от «марксистской догмы»: Скоропалительный «платонизирующий юноша» (по меткому замечанию г. Подарского в «Русском богатстве»), г. Бердяев, вечно ищущий или, лучше сказать, вечно попадающий пальцем в небо г. Булгаков, тягучий и основательный г. Кистьяковский и вся вообще «стая славная орлов» новейшего идеализма проникнута таким сокрушительным духом крити-

цизма, что решила камня на камне не оставить от того идейного здания, где она нашла, было, в дни юношеских увлечений приют и убежище...»⁶⁷ При этом рецензент подтверждал популярность такой мировоззренческой «переоценки ценностей»: «Почему-то теперь так много и развелось у нас «философов», с пылкостью отстаивающих «категорический императив» Канта, бесконечные идеалы, абсолютную истину, абсолютное добро и т.п. Правда, подчас вся эрудиция этих «философов» целиком взята из «Проблем идеализма» и из статей г. Бердяева, но таков уж обычай у нас — обогащать свой ум «последним словом» последних книжек и статей».⁶⁸

Наиболее популярной для критики фигурой в публицистике журнала «Правда» был С. Булгаков. Причиной такого особого внимания к мыслителю стала его книга «От марксизма к идеализму». Против С. Булгакова выступил давний оппонент А. Луначарский со статьей «Метаморфоза одного мыслителя» (1904. № 3, 5, 6.), а также М. Оленов «Идеализм в общественной науке» (1904. № 9).

М. Оленов писал, что Булгаков — «марксист от литературы (ныне бывший марксист)» «поставил задачи синтеза»⁶⁹ как и Р. Штамлер (нем. философ, 1856 — 1938), который «первый заговорил о цельной системе социального идеализма»⁷⁰. Концепция идеал-реализма вызывала скептическую оценку автора: «Когда же г. Булгаков сделал все необходимое для углубления марксизма, в окончательной форме социального идеала оказалось весьма немного реалистического»⁷¹.

А. Богданов критиковал бывших марксистов, исходя из принципов эмпиромонизма: «Философия выражает собою монистическую потребность жизни — стремление связать, согласовать, гармонически объединить пестрое, разнообразное, противоречиво-дробящееся содержание опыта. <...>

Не находя никакой объединяющей точки зрения на почве самой жизни, люди начинают искать ее *вне жизни*, одни — прямо в потустороннем мире мистики и метафизики, другие — в «логическом» мире пустых формальных абстракций. И конечно, все, что туда уходит, потерялось для жизни <...>

Философия изменяет своим задачам, изменяет себе самой, как только она забывает, что в *живом опыте* лежат ее материал и ее исходная точка, что *гармонизация жизни* — ее неизменная цель»⁷².

Луначарский в статье «Жизнь и литература» в июльской книге «Правды» (1905) предложил читателям критический разбор журнала «Вопросы жизни». Автор выбрал стиль «задушевного разговора» с читателем, который являл образец нескрываемой иронии: «У меня все не было досуга почитать журналы идеалистов, то есть союза кантианцев и мистиков «Вопросы жизни». Слышать об этом журнале мне, конечно, приходилось. Одни мне говорили, что, несмотря на общую истерику, царящую в нем, он ведется разнообразно и интересно. Другие утверждали, что в нем удивительно интересны лишь заглавия, но под всяким и всяческим заглавием в конце концов познаются все те же однообразные пустыни вечности и бесконечности»⁷³.

Идеалистическое направление начала 1900-х годов вписывалось в общее освободительное движение. «Положение «идеализма» в ту историческую минуту, которую переживает сейчас Россия, очень трудное и ответственное»⁷⁴, — писал Н. Бердяев в 1904 году.

Более того, идеалистические искания бывших марксистов влияли на общие радикальные настроения русского образованного общества, и по сути своей вели к социальной утопии радикального обновления на основе религиозных ценностей. В период первой русской революции публицисты самых различных мировоззренческих направлений общими усилиями укрепляли в общественном мнении позиции социального радикализма.

В начале XX века ситуация в отечественной журналистике существенно изменилась, и дело было не только в жестких действиях властей, которые осуществляли пристальный цензурный контроль над печатью, но и важной причиной стал факт реальной политизации жизни, который, несомненно, повлиял на судьбу «толстого» русского журнала. Подобный тип издания переживал тяжелые времена, так как более востребованными в условиях революционных волнений стали газета и тонкий журнал, еженедельник.

Своеобразным некрологом этому типу издания явилась статья Л. Троцкого «Судьба толстого журнала» (1914)⁷⁵. Хотя, бесспорно, что традиции этого типа издания получили дальнейшее развитие в отечественной журналистике XX века.

* * *

Журнал «Вопросы философии и психологии» (1889 – 1918) — авторитетное издание в России рубежа веков. Редактор журнала Николай Яковлевич Грот (1852 – 1899) был философом, психологом, с 1886 года профессором Московского университета. Он являлся председателем Московского психологического общества и стал одним из организаторов журнала «Вопросы философии и психологии», его первым редактором⁷⁶. «Живая и творческая натура Грота, — как отмечает В. В. Зеньковский, — сказывалась в подвижности его философских взглядов, в постоянной эволюции его воззрений. <...> Из позитивиста он стал метафизиком, а в последний период стремился к примирению позитивизма и идеализма»⁷⁷.

В 1891 году Н. Я. Грот как редактор журнала, размышляя о задачах издания, признавал, что «если в нашем журнале являлось до сих пор преобладающим одно направление, называемое идеалистическим или по методу, метафизическим, то такой факт был следствием господствующих среди большинства сотрудников философских воззрений, интересов и симпатий»⁷⁸.

Приглашение к полемике звучало уже в первые годы издания журнала (1891. № 6), и редактор четко обозначал цели специализированного издания: «Мы призывали и призываем мыслящих людей нашей родины... к разработке основных теоретических проблем философии, к общему и дружному обсуждению коренных вопросов знания, бытия и человеческого существования — с точки зрения новых данных специальных наук и современных философских исследований...»⁷⁹. Задача журнала, по убеждению Н. Грота, «дать полный простор русской мысли, искренней проповеди человеческого добра и вселенской правды, какие бы выражения она ни принимала»⁸⁰.

Через пятнадцать лет после появления на информационном поле России журнал был известным и уважаемым изданием. Публицистика С. Н. Булгакова была связана с этим изданием (на страницах этого журнала было опубликовано 18 булгаковских статей: первая появилась в кн. 35, последняя — в кн. 132-133)⁸¹. В обзоре деятельности журнала в 1904 году С. Булгаков предложил читателям обстоятельный анализ роли и места этого специализированного журнала, посвященного проблемам философии и психологии.

С. Булгаков писал, что одна из главных заслуг этого серьезного научного журнала заключается в том, что он нарушил «единовластие рассудочного позитивизма» в русском философском самосознании. Он подчеркивал, что «вследствие своеобразия русской культуры, задачи, роль и значение даже и специально-философского журнала у нас совершенно иные... (чем, например, в Германии — С.А.)»⁸². Это, по мысли публициста, связано в том, что «в России же нет пока этой стены специализации, отгораживающей profanum vulgus и специалистов, и существование философского журнала есть факт, имеющий и общественное, точнее, общекультурное значение. Основатели этого журнала выступили со своей идеей в глухую ночь философского самосознания, когда права позитивизма или вульгарного материализма считались неприкосновенными, когда самая мысль о создании философского журнала представлялась невероятной дерзостью»⁸³.

Журнал не боялся занимать независимую позицию, публикуя статьи, которым «не нашлось бы места на Прокрустовом ложе ... журналистики и из которых многие остались бы, быть может, даже ненаписанными». Это специализированное издание способствовало появлению новых писателей и оригинальных статей. Несмотря на программную терпимость к различным мировоззренческим системам, журнал сыграл большую роль в «истории возникновения теперешнего «идеалистического» движения»⁸⁴.

Давая оценку журналу за истекший 1904 год, Булгаков отмечал те же тенденции, которые были характерны для этого издания и прежде: количественно преобладали статьи «идеалистического» направления, хотя и статьи позитивиста А. Богданова находили место на его страницах.⁸⁵

Также С. Булгаков отмечал, что журнал способствовал становлению и развитию философской мысли в России, и его достоинством стала публикация статей известного русского философа Владимира Соловьева. В заключении обзора Булгаков писал: «Пожелаем же нашему старшему собрату новых успехов в его работе, и и в особенности поскольку она направлена к дальнейшему развитию, упрочению и внедрению в сознании русского общества того мирозерцания, которому основание заложено нашим незабвенным мыслителем В.С. Соловьевым»⁸⁶.

Редакция журнала ориентировалась на широкий круг философских систем. Однако особое место отводилось мировоззрению Ф.М. Достоевского. Н. Я. Грот в одной из программных статей (1891. № 6) подчеркивал ту важную роль, которую сыграл Достоевский для русской общественной мысли: «Таким искателем искры Божьей во всех людях, даже дурных и преступных, был наш русский мыслитель Достоевский. Достоевский — один из самых типических выразителей тех начал, которые, по нашему глубокому убеждению, должны лечь в основание нашей своеобразной нравственной философии»⁸⁷.

С. Н. Булгаков, сравнивая журнал «Вопросы философии и психологии» с «Вопросами жизни», замечал, что «общественное самоопределение возможно не в специальном журнале, а только в общем журнале обычного «направленного» типа»⁸⁸.

С. Булгаков сопоставлял задачи таких идейно родственных журналов, как «Вопросы философии и психологии» и «Вопросы жизни». Близость этих изданий подчеркивалась особо. Новый журнал признавался в чувствах «сыновнего пиетета» по отношению к старшему товарищу, а главное констатировался тот факт, что «за последние годы представители «идеализма» единственное убежище находили на страницах московского журнала. Только «Вопросы философии и психологии» открывали свои страницы, — наряду с позитивистами, — и представителям гонимого «идеализма»⁸⁹.

Но редакционные программы изданий принципиально расходились, так как московский философский журнал, как уже отмечалось, был сторонником широкого диалога и предлагал возможность высказаться представителям различных направлений философской мысли, при том, что главным критерием для издателей «Вопросов философии и психологии» являлись «литературные достоинства статей». «Вопросы жизни», с одной стороны, должны были «определять эти рамки гораздо уже, хотя и не требуя от всех статей выражения редакционных мнений, но во всяком случае не допуская на страницах журнала резких противоречий»⁹⁰.

Подводя итог, отметим, что журналы «направления» имели главное преимущество в том, что ориентированы были на широкую читательскую аудиторию, но важно учитывать

тот факт, что тексты в толстых русских журналах тяготели не к научности, а к популярности, в отличие от специализированного издания, обращавшегося к подготовленным читателям и потому имеющего ограниченный тираж.

Журналы «направления» сыграли важную роль в популяризации философского знания, в этом они оказались эффективнее изданий специализированных. Журналы «Новый путь», «Правда» и «Вопросы жизни» во многом продолжили традицию XIX века, когда большую роль в журналистике играли «журналы направления».

Публично развернувшаяся полемика между позитивистами и идеалистами на страницах «Нового пути»/«Вопросов жизни» и «Правды», раскрыла смысл философских разногласий, но в публицистической интерпретации. Анализ высказываний авторов, разделяющих различные мировоззрения, показывает, что в публицистических текстах 1903—1905 годов позитивизм/марксизм популяризируется сторонниками, и не отвергается безапелляционно его противниками. Непоследовательность идеалистической критики марксизма сказалась в том, что авторы не отрицали значимости марксизма как научной, социально-экономической теории.

Общее «марксистское происхождение» объединяло оппонентов в оценке основных путей достижения социального прогресса. С. Булгаков писал о том, что «осуществление свободы личности в области экономической достижимо только путем создания планомерной организации общественного хозяйства на место теперешней, хаотической и стихийной»⁹¹, а Кистяковский утверждал, что «полная же организация социальных сил, которая приведет к действительной свободе личности будет осуществлена, несомненно, только в государстве будущего или при ином социальном строе»⁹². В подобных высказываниях идеалистов можно проследить несомненную близость со взглядами оппонентов, например, с идеями А. Богданова о «собрании человека» в новой планомерно-организованной социалистической формации будущего.

Таким образом, традиционные для отечественной журналистики «толстые журналы», такие как «Новый путь», «Правда», «Вопросы жизни», сделали немало для эффективной популяризации марксистских идей в широкой читательской аудитории.

(Endnotes)

¹ Богданов А. Философский кошмар // Правда. № 6. С. 255-259. С. 258.

² Давыдов И. Об идеализме, марксизме и народничестве // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 312-323. С. 313.

³ Там же. С. 31-32.

⁴ Ученое пустомыслие (Социальная философия Рудольфа Штамлера) // Правда. 1904. № 5. С. 178-206. С. 179.

⁵ Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901-1922 гг. Библиографический указатель / Отв. редактор А. А. Ермичев. – Спб.: РХГИ 2001. – 480 с

⁶ Булгаков С. «Вопросы философии и психологии» в 1904 году // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 299-304. С. 301-302.

⁷ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260-277. С. 264-265.

⁸ Фридман М. Промышленность. Статьи из «Handwörterbuch» der Staatswissenschaften. Перевод с немецкого. Е.Н. Каменецкой под редакцией О.Е. Бужанского. Издание второе. Спб., 1905. Издание М.И. Водовозовой. Ц. 1р.15к. С.293-294. С. 293.

⁹ Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. Учебник для гуманитарных вузов. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – М.: Издательство Магистр, 1996 – 352 л. С. 261.

¹⁰ Чарский Е. Два мировоззрения // Правда 1905. № 12. С. 151-164. С. 153.

¹¹ Алексеев. Разложение марксизма // Новый путь. 1904. № 12. С. 86-115. С. 114.

¹² Письма А.А. Богданова редактору журнала «Правда» Валентину Алексеичу [Кожевникову] и ответы адресата об отправке в журнал рукописей, о публикации комментариев А. Финна на антимарксистскую статью А. Неведомского, о переводе статьи Меринга о Канте / РГАСПИ. Ф.259. Оп.1. Ед.хр. 57. Л. 7.

¹³ Короленко В.Г. Николай Константинович Михайловский // Русское богатство. 1904. №2. С. V.

¹⁴ Мачинский В. Среди журналов // Правда. 1906. № 2. Кн.4. С. 108-120. С. 108-109.

¹⁵ Перцов П. Новый путь // Новый путь. 1903. №1. С. 1-9. С. 8.

¹⁶ Шкондин М. В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога. М., 2002. С. 100.

¹⁷ Программа соответствовала заявленной в прошении об издании журнала.

¹⁸ «О пользе знания» (№ 1), «Собирание человека» (№ 4), «Философский кошмар» (№ 6) «Замечания автора статьи «Философский кошмар»» (№ 8), «История одной опечатки» (№ 11), «Проклятые вопросы философии» (№ 12).

¹⁹ «Идеалист и позитивист, как психологические типы» (№1), «Метаморфоза одного мыслителя. Ч.1» (№3), «Вопросы морали и М. Метерлинк» (№ 4), «Метаморфоза одного мыслителя. Ч.2» (№5), «Метаморфоза одного мыслителя. Окончание» (№ 6), «Облагораживание культуры» (№ 6), «По поводу столетнего юбилея Людвига Фейербаха» (№ 9), «Жизнь и литература» (№ 11).

²⁰ «Жизнь и литература» (№ 1), «Миросозерцание здорового буржуа» (№ 1), «Осенний салон в Париже» (№ 2), «Жизнь и литература. – Дачники» (№ 4), «Жизнь и литература» (№ 7), «Поэт – Чандала» (№ 8), «Жизнь и литература» (№ 9-10), «Марксизм и эстетика» (№ 9-10), «Театральные впечатления» (№ 11).

²¹ «Юношеские идеалы Рихарда Вагнера» (№ 2, кн. IV).

²² Луначарский А. Идеалист и позитивист, как психологические типы // Правда. 1904. №1. С.118-139. С. 120.

²³ Луначарский А. Жизнь и литература // Правда. № 11. С. 260-269. С. 264.

²⁴ Луначарский А. Идеалист и позитивист, как психологические типы // Правда. 1904. №1. С.118-139. С. 129.

²⁵ Луначарский А. Русский Фауст // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн.3. Май-июнь. С. 783-795.

²⁶ Гусев С. Позитивизм и реализм в России // Идеи позитивизма в русской словесности: Материалы международной конференции. Лодзь. 2000. С.5- 15. С. 13.

²⁷ Фриче В. Жорж Санд (по поводу столетия со дня ее рождения) // Правда. 1904. № 10. С. 115-125. С. 115.

²⁸ Войтоловский Л. Идеалы общественности в произведениях А.П. Чехова // Правда. 1904. №12. С. 51-64. С. 51.

²⁹ Валентинов Н. Н.А. Гредескул. Марксизм и идеализм. Публичная лекция. Издание Брейтигама в Харькове. 1905. Стр. 43. // Правда. 1905. №8. С. 194-196. С. 194.

³⁰ Философов Д. Искусство и жизнь // Новый путь. 1904. № 7. С. 208-237. С. 234.

³¹ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260-277. С. 260.

³² Новгородцев П. О философском движении наших дней // Новый путь. 1904. № 10. С. 59- 67. С. 59.

³³ Корецкая И.В. «Новый путь». «Вопросы жизни» С. 230

³⁴ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260-277. С. 262-263.

³⁵ Там же. С. 266.

³⁶ Новгородцев П. О философском движении наших дней // Новый путь. 1904. № 10. С. 59- 67. С. 60.

³⁷ См. также: Бердяев Н. Философия и жизнь (Днев-

ник публициста) // Новый путь. 1904. № 11. С. 361-375. С. 366; Алексеев. Разложение марксизма // Новый путь. 1904. № 12. С. 86-115. С. 88, 115.

³⁸ Булгаков С. Без плана // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 347-368. С. 353-354.

³⁹ Новгородцев П. О философском движении наших дней // Новый путь. 1904. № 10. С. 59- 67. С. 66.

⁴⁰ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260-277. С. 268.

⁴¹ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы (Продолжение) // Новый путь. 1904. № 11. С. 342-360. С. 360.

⁴² Булгаков С. Без плана // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 347-368. С. 351.

⁴³ Кремнев Б. Перевал. //Новый путь. 1904. №4. С. 246-251. С.250.

⁴⁴ Новгородцев П. О философском движении наших дней // Новый путь. 1904. № 10. С. 59- 67. С. 65.

⁴⁵ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы (Продолжение) // Новый путь. 1904. № 11. С. 342-360. С. 358.

⁴⁶ Там же. С. 355.

⁴⁷ Там же. С. 274.

⁴⁸ Там же. С. 275.

⁴⁹ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы (Продолжение) // Новый путь. 1904. № 11. С. 342-360. С. 359.

⁵⁰ Бердяев Н. Философия и жизнь (Дневник публициста) // Новый путь. 1904. № 11. С. 361-375. С. 362.

⁵¹ Там же.

⁵² Алексеев. Разложение марксизма // Новый путь. 1904. № 12. С. 86-115. С. 87-88.

⁵³ Булгаков С. Карлейль и Толстой // Вопросы жизни. 1905. №1. С. 16-38. С. 19.

⁵⁴ Бердяев Н. Трагедия обыденности // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 255-288. С.275.

⁵⁵ Бердяев Н. Дневник публициста: Культура и политика. (К философии новой русской истории) // Вопросы жизни. 1905. № 4-5. С. 320-334. С. 323.

⁵⁶ Бердяев Н. О новом религиозном сознании // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 146-188. С. 148.

⁵⁷ Давыдов И. Об идеализме, марксизме и народничестве // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 312-323. С. 314-315.

⁵⁸ Там же. С. 315.

⁵⁹ Там же. С. 322.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Чулков Г. Из частной переписки: О мистическом анархизме // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 199-204. С.201.

⁶² Бердяев Н. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 165-198. С.1197-198.

⁶³ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и обще-

ственные программы (Продолжение) // Новый путь. 1904. № 11. С. 342-360. С. 359-360.

⁶⁴ Давыдов И. М. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма. Издание редакции журнала «Мир Божий». Спб., 1905. Цена 1р. // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 279-288. С. 280.

⁶⁵ Ученое пустомыслие (Социальная философия Рудольфа Штамлера) // Правда. 1904. № 5. С. 178-206. С. 179.

⁶⁶ Фриче В. От марксизма к идеализму (Из истории немецкой интеллигенции конца XIX в.) // Правда. 1905. № 8. С. 108-121. С. 108.

⁶⁷ Ученое пустомыслие (Социальная философия Рудольфа Штамлера) // Правда. 1904. № 5. С. 178-206. С. 178.

⁶⁸ Там же. С. 179.

⁶⁹ Оленов М. Идеализм в общественной науке // Правда. 1904. № 9. С. 112-134. С. 119.

⁷⁰ Там же. С.123.

⁷¹ Там же. С. 128.

⁷² Богданов А. Философский кошмар // Правда. 1904. №.6. С. 255-259. С. 259.

⁷³ Луначарский А. Жизнь и литература // Правда. 1905. № 7. С. 241-259. С.241.

⁷⁴ Бердяев Н. Философия и жизнь (Дневник публициста) // Новый путь. 1904. № 11. С. 361-375. С. 371.

⁷⁵ Троцкий Л. Судьба толстого журнала // Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 299-307.

⁷⁶ Русская философия ... С. 123.

⁷⁷ Зеньковский В. В. Т. 2. Ч. 2. С. 14.

⁷⁸ Грот Н. Еще о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. № 6. С. I-VI. С. I.

⁷⁹ Там же. С. IV.

⁸⁰ Там же. С. VI.

⁸¹ Философское содержание русских журналов... С. 21.

⁸² Булгаков С. «Вопросы философии и психологии» в 1904 году // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 299-304. С. 299.

⁸³ Там же. С.301.

⁸⁴ Там же. С.301.

⁸⁵ Там же. С.302.

⁸⁶ Там же. С.304.

⁸⁷ Грот Н. Еще о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. № 6. С. I-VI. С. V-VI.

⁸⁸ Булгаков С. «Вопросы философии и психологии» в 1904 году С. 301.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 301-302.

⁹¹ Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С. 260-277. С. 271.

⁹² Кистяковский Б.А. Права человека гражданина // Вопросы жизни. 1905. №1. С. 116-142. С. 132.